

Моим первым движением было сказать ей о моей любви, но потом я подумал о ее беспомощном положении и о том, что я один мог облегчить ей тяготы плена, и, по мере моих слабых сил, защищать ее от тысяч врагов, с которыми она должна будет столкнуться, когда мы прибудем в Тарк. Я не считал себя вправе доставить ей лишнее огорчение, сообщив о чувстве, которое она, по всей вероятности, не разделяла.

Если бы я сделал это, ее положение было бы еще тяжелее, нежели теперь, и мысль о том, что она может заподозрить, будто я хочу воспользоваться ее беспомощностью, чтобы воздействовать на ее волю, была последним доводом, заставившим меня промолчать.

– Как это вы так спокойны, Дея Торис? – сказал я. – Вам, вероятно, очень хочется вернуться к Соле, в вашу повозку.

– Нет, – прошептала она. – Я счастлива здесь. Я сама не понимаю, отчего мне, всегда хорошо, когда вы, находитесь рядом. Тогда мне кажется, что я в безопасности и что с вами я скоро снова буду при дворе моего отца, почувствую объятия его мощных рук, слезы и поцелуи матери на моих щеках.

– Разве мусрабцы целуются? – спросил я, когда она произнесла эти слова, как бы отвечая на свою мысль.

– Родные, братья, сестры, и – она добавила это слово задумчиво и тихо, – любовники.

– А у вас, Дея Торис, есть родные, братья, сестры?

– Да.

– А возлюбленный?

Она молчала, и я не решился повторить вопрос.

– Мусрабцы, – произнесла она наконец, – никогда не задают прямых вопросов женщинам, за исключением матери или той, за которую они сражались и которую они добыли в бою.

– Но ведь я сражался... – тут я замолк и пожалел, что мне никто не отрезал язык.

В то самое мгновение, как я умолк, она поднялась со своего места, скинула со своих плеч мои шелка, подала их мне и, не произнося ни слова, удалилась походкой королевы по направлению к своей повозке.

Я не посмел провожать ее, только глазами следил и убедился, что она невредимой вернулась к себе, потом приказал Вуле сторожить и, глубоко огорченный, вернулся в собственную повозку. Несколько часов я мрачно просидел, скрестив ноги на шелках, погруженный в думы о том, как зло шутит судьба над бедными смертными.

Так вот она, любовь! Мне удалось избегать ее до сих пор. Вопреки красоте женщин и благоприятствовавшим мне обстоятельствам, вопреки жившей в моей душе тоске по любви и постоянным поискам этой любви – мне суждено было полюбить, безумно и безнадежно, существо другого мира, с лицом, быть может, несколько схожим, но не одинаковым с лицами землян. Женщину, которая вылупилась из яйца, и чья жизнь длится добрую тысячу наших земных лет, у чьего народа странные привычки и обычаи, женщину, чьи помыслы, чьи удовольствия, понятия о чести, справедливости и несправедливости столь же отличны от моих понятий об этих вещах, как и от понятий зеленых.

Да, я был безумцем, но я был влюблен, и хотя испытывал величайшие муки, каким я когда-либо подвергался в жизни, я не хотел бы, чтобы было по иному, даже за все богатство мусрабцев. Такова любовь и таковы влюбленные – повсюду, где только знают любовь.

Для меня Дея Торис была олицетворенным совершенством – одухотворенности, красоты, доброты и благородства. Я верил в это всем сердцем и всей душой. В ту ночь в Кораде, когда я сидел, поджав ноги на шелках, а меньшая луна быстро склонялась к востоку, отражаясь в мраморе, золоте и драгоценных камнях мозаики моей древней как мир комнаты. С тех пор прошло двадцать лет: в течение десяти из них я жил и боролся за Дею Торис и ее народ, а другие десять протекли для меня под знаком памяти о ней.

То утро, когда мы выступили в поход к Тарку, было ясным и теплым; утра на Таре всегда такие, кроме шести недель, когда на полюсах тает снег.

Я нашел Дею Торис в веренице отъезжающих повозок, но она повернулась ко мне спиной, и я видел, как краска залила ее щеки. С глупой неосмотрительностью влюбленного я постарался остаться спокоен, вместо того, чтобы попытаться убедить ее, что я не знал, чем я ее оскорбил, таким образом добиться в худшем случае хотя бы полупризнания.

Я считал своим долгом удостовериться, удобно ли ее устроили, и, войдя в ее повозку, привел в порядок ее шелка и меха. Тут я с ужасом убедился, что ее приковали тяжелой цепью к стене повозки.

– Что это значит? – вскричал я, обращаясь к Соле.

– Саркойя решила, что так будет лучше, – ответила та, и лицо ее выражало полное несогласие с этой ненужной жестокостью.

Осмотрев цепь, я увидел, что она кончается массивным замком.

– Где ключ от него, Сола? Дай мне его.

– Ключ у Саркойи, – ответила она.

Не говоря ни слова, я пошел прочь от них и разыскал Тарс Таркаса, которому стал убедительно доказывать бессмысленность оскорбления и жестокости, которым подвергли Дею Торис оттого, что такими они представились моим глазам влюбленного.

– Алекс, – отвечал он мне, – если вам и Дее Торис удастся когда-либо вырваться из рук тарков, то это произойдет во время нынешнего путешествия. Мы знаем, что вы не уйдете без нее. Вы доказали нам, что вы – великий боец, и мы не хотим заковывать вас потому, что мы можем удержать вас обоих куда более легким путем, более верным и более безопасным. Я сказал.

Я понял, что его рассуждения вполне правильны, и знал, что бесполезно разубеждать его, но я только попросил, чтобы ключ от замка был не у Саркойи, и чтобы ей было приказано в будущем не приближаться к ней.

– Вы, Тарс Таркас, можете сделать это для меня, я чувствую к вам искреннюю дружбу.

– Дружбу? – повторил он. – Не верю, но пусть будет по-вашему. Я распоряжусь, чтобы Саркойя не досаждала девушке и возьму ключ к себе.

– Если только вы не согласитесь, чтобы я взял ответственность на себя, – сказал я, смеясь.

Раньше, чем ответить, он поглядел на меня пристально и долго.

- Если вы дадите мне слово, что ни вы, ни Дея Торис не станете пытаться бежать раньше, чем мы благополучно доберемся до владений Тал Хаджуса, я отдам вам ключ, а цепь брошу в реку Исс.

- Пусть лучше ключ останется у вас, Тарс Таркас, - отвечал я.

Он улыбнулся и не сказал в ответ ни слова, но в эту же ночь я видел, как он собственноручно освободил Дею Торис от оков.

При всей его холодности и жестокости в Тарс Таркасе было, и нечто другое, какое-то чувство, которое он неустанно силился подавить в себе. Быть может, это был некий человеческий инстинкт, скрытый глубоко в его душе, но терзающий его мыслью об ужасных судьбах его народа!

Когда я подошел к повозке Деи Торис, я прошел мимо Саркойи, и черный, злобный взгляд, который она кинула на меня, был сладчайшим бальзамом на много часов. Боже, как она меня ненавидела! Ее взгляд, будь он мечом, пронзил бы насмерть!

Немного спустя я увидел, что она беседует с воином по имени Цад, невысоким, плотным и здоровенным грубияном, который, однако, еще не убил ни одного из своих вождей и был поэтому смад, то есть мужчиной с одним именем; второе имя он мог получить, только приобретя оружие какого-либо вождя. Таков обычай, который награждал меня именами вождей, павшим от моей руки, и в самом деле, многие воины называли меня Дотор Соджет - комбинированное прозвище из имен двух вождей, которых я убил в равном бою.

Пока Саркойя говорила, он кидал на меня быстрые взгляды, а она в это время, казалось, уговаривала его что-то сделать. Тогда я обратил на это мало внимания, но на следующий день получил повод вспомнить это обстоятельство и, вместе с тем, понял глубину ненависти Саркойи и то, до чего она может дойти в своем желании отомстить мне.

Дея Торис в этот вечер не хотела видеть меня, и когда я назвал ее по имени, она даже не обернулась ко мне, не сказала ни слова, а сделала вид, будто не знает о моем существовании. В отчаянье я поступил так же, как поступило бы большинство влюбленных: я попытался заговорить о ней с кем-нибудь из ее близких. В то мгновение это была Сола, которую я увидел в другой части лагеря.

- Что случилось с Деей Торис? - торопливо спросил я ее. - Отчего она не хочет говорить со мной?

Сола и сама, казалось, была в замешательстве, как будто бы странные поступки двух человеческих существ были недоступны ее пониманию, и так оно в действительности и было.

- Она говорит, что вы рассердили ее, и больше ничего не хочет сказать, кроме разве того, что она дочь джедака, и что ее унизило существо, недостойное чистить зубы у соража ее бабки.

Я помолчал несколько мгновений, потом спросил:

- Кто такой сораж, Сола?

- Небольшой зверек, величиной примерно с мою руку, с которым любят иногда играть красные, - объяснила Сола.

Недостойн чистить зубы у кошки ее бабки! Я подумал, что стою довольно низко во мнении Деи Торис! Но потом не смог удержаться от смеха при этом, таком домашнем и потому таким земным сравнением. Я почувствовал вдруг тоску по родине, родному дому, так это было похоже на наше – «недостойн, чистить ее ботинки». И вслед за этим потянулась вереница новых для меня мыслей. Я с изумлением стал думать о том, что делают подобные мне у себя дома. Я не видел их уже много лет. В России было семейство Каримовых, состоявшее со мной в дружественных отношениях; меня считали там двоюродным братом или чем-то вроде этого. Я мог пробыть в отсутствии двадцать или тридцать лет, и то, что меня с моими мыслями и чувствами мальчишки могли считать братом, хотя бы и двоюродным, казалось мне приятным. У них было двое младенцев, которых я очень любил и которые были убеждены, что на Земле нет никого, кто мог бы сравняться с дядей Сашей; я видел их перед собой так же ясно, как видел себя стоящим под небом Мусраба, и тосковал по ним, так как не тосковал еще ни по одному из смертных. Я был скитальцем от природы, и не знал, что значит слово – «дом», и все же, когда я произносил это слово, в моей памяти всплывала большая комната в доме Каримовых, к ней-то и обратилось теперь мое сердце от холодных и враждебных существ, к которым я попал. Потому что разве не презирает меня даже Дея Торис? Я был низшим существом, настолько низшим, что был даже недостойн, чистить зубы у кошки ее бабки! Но здесь на помощь мне пришло мое врожденное чувство юмора, и я, смеясь, вернулся к себе, на свои шелка и меха, и уснул под много лунным небом крепким сном усталого и здорового воина.

На следующий день мы рано пустились в путь и за весь день до самого наступления темноты сделали только один привал. Однообразие нашего путешествия нарушили два события. Около полудня мы заметили по правую руку от нас нечто очень похожее на инкубатор, и Лоркас Птомель послал Тарс Таркаса обследовать его. Последний взял с собой дюжину воинов, в том числе и меня, и мы понеслись через лежавший бархатистым ковром мох к небольшой загородке.

Это действительно был инкубатор, но яйца в нем были очень малы по сравнению с теми, которые я видел при моем прибытии на Тару. Тарс Таркас внимательно оглядел загородку, потом заявил, что они принадлежат зеленым людям варуна и что цемент стены едва высох.

– Их отделяет от нас не более одного дня пути, – воскликнул он, и воинственный пыл отразился на его свирепом лице.

Воины быстро пробили брешь в стене и несколько человек, проникнув внутрь, поразбивали все яйца своими короткими мечами.

Потом мы снова сели верхом и присоединились к нашему каравану. Пока мы ехали обратно, я улучил мгновение и спросил Тарс Таркаса, были ли эти варуны, чьи яйца мы разбили, меньших размеров, нежели его тарки.

– Дело в том, что их яйца много меньше, нежели те, которые я видел в вашем инкубаторе, – добавил я.

Он объяснил мне, что яйца были только что принесены сюда.

Как и все яйца зеленых, они растут в течение пятилетнего инкубационного периода, пока не достигнут размеров тех яиц, которые я видел в день моего прибытия на Тару.

Мне было интересно узнать это оттого, что я никак не мог понять, каким образом зеленые могут при своих размерах производить на свет огромные яйца, вроде тех, из которых при мне выходили метровые младенцы. Оказывается, только что снесенное яйцо размером лишь

немного больше гусяного, и пока оно не начало расти, будучи подставленным под солнечные лучи, для вождей не составляет труда сразу перенести несколько сот яиц из крытых складов в инкубатор.

Вскоре, после происшествия с яйцами варунов, мы остановились, и во время этой остановки имел место второй значительный эпизод этого дня. Я был занят тем, что перекладывал седло с одного из моих тотов на другого, потому, что я делил между ними дневной труд, когда ко мне приблизился Цад и, не говоря ни слова, нанес моему животному ужасный удар своим длинным мечом.

Мне не надо было справляться с учебниками тарианского хорошего тона, чтобы узнать, как ответить, я был так зол, что мне стоило большого труда заставить себя не воспользоваться револьвером и не уложить его на месте одним выстрелом; но он стоял передо мной в выжидающей позе с обнаженным длинным мечом, и я решил вытащить свой меч и сойтись с ним в честном бою, приняв выбранное им оружие или даже меньшее.

Последнее считалось вполне допустимым, и я мог воспользоваться коротким мечом, кинжалом, топором или кулаками, если бы только захотел, и поступил бы вполне законно, но не мог прибегнуть к огнестрельному оружию или копьё, так как он стоял передо мной с одним длинным мечом.

Я избрал то же самое оружие, что и он, оттого, что знал, он гордится своим умением управляться с ним, и хотел, если мне удастся победить его, сделать это его же собственным оружием. Бой был долгий и задержал нашу колонну на добрый час. Все, кто только был в караване, окружили нас, оставив для боя круг шагов сто в диаметре.

Цад сначала попытался броситься на меня, как бык бросается на волка, но я был слишком быстр и ловок для него, и всякий раз уворачивался от его наскоков, он встречал только удар моего меча по-своему или одному из боков. Вскоре кровь текла уже из дюжины небольших ран, но я никак не мог улучшить момент, чтобы нанести решительный удар. Тогда он изменил тактику и стал сражаться осторожно и чрезвычайно ловко, стараясь искусством достигнуть того, что ему не удалось добиться бешеным натиском. Я должен сознаться, что он был превосходным бойцом, и не будь я так вынослив и не обладай я той изумительной подвижностью, которую мне давала меньшая сила притяжения Тара, я не в состоянии был бы выиграть этот бой.

Мы довольно долго кружили друг возле друга, не причиняя заметного вреда, и наши длинные мечи сверкали в солнечных лучах. Наконец, Цад, который более устал, нежели я, решил, по-видимому, окончить бой в свою пользу: в то самое мгновение, когда он ринулся на меня, в глаза мне ударил луч света и ослепил меня, так что я не видел его приближения и мог только, вслепую, отскочить в сторону с единственным желанием увернуться от мощного удара, который я, казалось, уже чувствовал. Это удалось мне лишь отчасти, и острая боль в левом плече доказала мне это, но в то время как я быстро оглядывался, чтобы снова увидеть моего противника, мой взгляд упал на зрелище, которое вознаградило меня за рану, повинной в которой была моя мгновенная слепота. В повозке Деи Торис стояли три фигуры во весь рост, чтобы видеть бой через головы окружавших нас тарков. Это были Дея Торис, Сола и Саркойя, и когда мой взгляд на миг остановился на них, мне представилась картина, которую я буду помнить до моего смертного часа.

Когда я взглянул на них, Дея Торис обернулась к Саркойе, с яростью юной тигрицы вырвала что-то из ее высоко поднятых рук, что-то ярко блестящее на солнце.

Тут я понял, что ослепило меня в то самое мгновение, которое могло стать гибельным для меня, понял также и то, каким образом Саркойя сумела найти способ убить меня, не нанося сама последнего удара. Другое, что я увидел и что тоже чуть не погубило меня, оттого, что я перестал думать о себе, было следующее: когда Дея Торис вырвала из рук Саркойи зеркало, лицо этой последней потемнело от ярости и, выхватив кинжал, она занесла его над Деей Торис. Тогда Сола, наша дорогая, верная Сола, бросилась между ними. Последнее, что я видел, был большой нож, опускающийся на ее грудь, прикрывавшую Дею Торис.

Мой противник пришел в себя после своего удара и стал наседать на меня, так что мне пришлось снова сосредоточить все свое внимание на непосредственно близком мне деле, но мысли мои были заняты не сражением.

Мы бешено бросались друг на друга, почувствовав у своей груди его меч, которого я не мог избежать или отпарировать, я не бросился всем своим весом вперед, выставив вперед свой меч, не желая умереть один, если только это возможно. Я чувствовал, как сталь вонзилась в мою грудь, в глазах у меня потемнело, голова закружилась, и я ощутил, как подгибаются мои колени.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/490626>